
Самарский перекрёсток
Александр Пиров

Александр Пиров

Самарский перекрёсток

«Автор»
2026

Пиров А.

Самарский перекрёсток / А. Пиров — «Автор», 2026

Если бы кто-то сказал Дину Винчестеру, что однажды он будет стоять на окраине Самары, слушать легенды от героя российского боевика, терпеть шутки Кроули про «провинциальную магию» и пытаться объяснить Кастиэлю, что значит «по понятиям», он бы не поверил. Но звонок Саши Белого снова меняет всё. Призрак ведьмы, коллективное проклятие и гонка до полнолуния заставляют эту странную команду объединиться: здесь смешиваются уличные правила и ангельские истины, демонические сделки и простое человеческое упрямство. И только когда каждый из них сделает шаг навстречу чужой правде, проклятие начнёт рассыпаться.

© Пиров А., 2026
© Автор, 2026

Александр Пиров
Самарский перекрёсток

Дин выключил зажигание, когда последние аккорды

«Carry On Wayward Son» растворились в утробном урчании остывающего блока цилиндров. «Шевроле» замерла у чугунной ограды, уткнувшись бампером в белесый речной кисель. С Волги тянуло стылой тиной, мазутом и тем особым, промозглым октябрьским сквозняком, который пробивает даже промасленную бычью кожу куртки. Дин выдохнул клуб пара, постучал костяшками пальцев по рулю и посмотрел на реку. Вода внизу перекатывалась лениво, тяжело, будто чугунная.

Из мутной пелены на асфальт выкатился черный угловатый «шестисотый». Двери хлопнули глухо, без суеты. Из машины вышагнул крепкий парень в длинном кожаном пальто нараспашку. Под расстегнутым воротом темнела плотная шерстяная водолазка, а в опущенных руках хищно чернел ствол помпового ружья с коротким прикладом.

— Вылезай из тачки, пока цел, — хрипло, с металлом в голосе бросил незнакомец, взводя цевье характерным сухим лязгом. — Кто такие? Какого черта номерные знаки заморские на набережной светятся? С чьей подачи приехали, слышите меня?

Дин неспешно толкнул тяжелую дверцу, чувствуя, как под подошвой армейского ботинка крошится битый гравий. Он нащупал за поясницей рукоять кольта, чуть расставил ноги для упора и прищурился.

— Чудно... просто праздник какой-то, — буркнул он себе под нос, уже громче добавив: — Дружище, если бы мы хотели испортить тебе вечер, я бы не глушил движок. Опусти железяку, пока пальцы не отморозил.

С пассажирского сиденья торопливо выбрался Сэм. Он поднял раскрытые ладони, виновато нагибая голову, чтобы не казаться в темноте ходячей башней.

— Погодите, стойте. Мы... мы друзья мистера Коллинза, — выговорил Сэм на ломаном, сбивчивом русском, растягивая гласные. — Нам оставили адрес. Письмо. Десять лет назад, понимаете? Мы

охотники. Винчестеры.

Сзади щелкнула ручка, и на сырой парапет ступил Кроули. Демон брезгливо перешагнул через лужу, отряхнул край безупречного графитового манжета и щелкнул крышкой серебряной фляги. Запахло выдержанным коньяком.

— Боже правый, сколько драмы из-за пары лишних миль, — протянул он с ленивой усмешкой, оглядывая кожаное пальто Белого так, словно оценивал залежалый товар на барахолке. — Винчестеры, ваш восточноевропейский тур становится все утомительнее. Местный авторитет в костюме могильщика, сырость, запах прокисшей капусты вместо приличного виски. Молодой человек, вы бы спрятали эту трещотку, пока я не превратил ваш премиальный седан в ведро с болтами.

Саша Белый не шелохнулся. Взгляд серых глаз остался цепким, холодным, привыкшим видеть людей насквозь в полутьме московских стрелок. Ствол помповика чуть качнулся в сторону Кроули.

— Ты пасть-то прикрой, коммерсант лощеный, — отчеканил Белый. — Тут базар не за бабки идет. Не по понятиям это — с понтами лезть, когда город на части рвет.

Сбоку, словно отделившись от самого речного тумана, бесшумно выступил Кастиэль. Полы его бежевого тренча взметнулись от порыва речного ветра. Синие глаза смотрели прямо на бригадира, не мигая и не отражая света фонарей.

— Опусти оружие, Александр, — произнес ангел низким, гулким баритоном, от которого задрожали стекла в припаркованных машинах. — Твой свинец здесь бессилен. Эта земля

осквернена кровью невинных, и печать забвения дала трещину. Тьма ищет возмездия, а не золота.

Белый нахмурился, медленно перевел взгляд с Кастиэля на Сэма, затем на Дина. На скулах у него заходили желваки. Он резко качнул головой, вспоминая что-то давнее, перечеркнутое годами тюрем и перестрелок.

— Винчестеры? — переспросил он, опуская ствол к земле. — Те самые, про которых старик из Бруклина малявы слал? Джоннины сыновья? Черт возьми... Джон говорил, вы придете, если чертовщина начнется взаправду. Но опоздали вы, мужики. Тут уже третью ночь пацаны с ума сходят, а в переулках волки мерещатся...

Договорить он не успел. Далеко над рекой, перекрывая гудки редких барж, раскатился протяжный, леденящий вой — хриплый, утробный, словно рвалось горло зверя размером с паровоз.

* * *

Туман у набережной внезапно вздыбился воронкой.

Воздух сделался вязким, отдавая не рекой, а прелой могильной тиной и застарелой гарью. С парапета, сорвав пару чугунных звеньев решетки, на широкий капот «Импалы» с глухим металлическим грохотом рухнула тень.

Это был пёс — вытянутый, матово-черный, сотканный из клочьев копоти и густого сумрака. Узкая волчья морда скалилась частоколом белых клыков, а из глубоких глазниц ровно и неистово светился густой янтарный огонь.

— С капота слезь, тварь! — рявкнул Дин.

Он выхватил кольт и дважды спустил курок. Грохот выстрелов

разорвал сырую тишину, дульное пламя осветило хищный оскал чудовища. Серебряные пули прошили черную грудь насквозь, но не встретили сопротивления: они выбили сноп ярких искр из гранитной тумбы позади зверя. Дымка внутри силуэта лишь колыхнулась, затягиваясь обратно.

— Картечью его! — Белый мгновенно вскинул помповик и всадил три патрона прямо в хребет существа.

Сноп дроби прошел сквозь клубящуюся шкуру, осыпавшись по крылу автомобиля сухим свинцовым градом. Зверь даже не шелохнулся. Он медленно повернул морду к Беглову, втягивая воздух ноздрями, и тень вокруг его загривка стала плотнее, разрастаясь от каждой капли страха, который бригадир упрямо давил внутри себя.

— Отойдите! — крикнул Кастиэль.

Ангел шагнул вперед, выставив ладонь. Из-под рукава его плаща хлынуло ослепительное белое сияние — первозданный благодатный огонь, способный испепелять демонов легионами. Луч ударил тварь в лоб, осветив набережную жестким операционным светом. Но зверь только оскалился шире. Его пасть распахнулась в беззвучном рычании, а янтарный огонь в глазах разгорелся ярче, впитывая небесный свет, словно древняя обида была старше самих архангельских печатей.

— Бесполезно, пернатый, — прошипел Кроули, выходя из-за спины Сэма. — Это не наша юрисдикция. Но манерам его поучить стоит.

Демон щелкнул пальцами. С его ладони сорвался шар багрового адского пламени, пахнущий серой и смолой, и с треском влепился под брюхо теневого пса. Огонь преисподней заставил тварь отшатнуться. Пес взвизгнул — звук напоминал скрежет железа по ржавой жести — и спрыгнул с капота на влажный асфальт. Его силуэт начал расползаться, теряя форму под тяжестью пламени, но перед тем как окончательно раствориться в речном тумане, из глубины пасти вырвался хриплый, каркающий шепот:

— А-га-фья... Восемнадцать... девяносто...

Клубы сажи опустились на камни, и на набережной снова воцарился промозглый холод.

Сэм тяжело перевел дух, пряча в карман охотничий нож, и опустился на одно колено возле колеса машины. Пальцы в перчатке коснулись черной маслянистой слизи, покрывавшей мостовую. Рядом с лужей тины тускло блеснул металл. Сэм осторожно поднял тяжелую, позеленевшую от времени латунную гильзу. На сплющенном донце четко проступало старое клеймо: двуглавый орел и выбитая полукругом надпись «Самара. 1890».

— Это не оборотень и не демон, — глухо сказал Сэм, поднимаясь на ноги и показывая гильзу брату. — Это призрак. Но удерживает его не кость и не могила.

Дин подошел ближе, посветил карманным фонариком под переднее колесо и выругался сквозь зубы. На асфальте под бампером «Импалы» еще шипел след оплавленных когтей, складываясь в четкую, причудливо изогнутую дореволюционную литеру «А».

Рассвет над Садовой улицей не принес солнца — лишь размазал по жестяным карнизам серую, липкую кашу из речного пара и печной сажи. Особняк купца первой гильдии скалился на пустырь пустыми глазницами мезонина.

Вековой сруб из лиственницы почернел, осел в грунт, оброс сухими стеблями полутораметровой крапивы и колючего репейника, цеплявшегося за штанины с настойчивостью голодного покойника.

Дин первым проломил плечом хлипкую калитку, поросшую серым лишайником. Подошвы армейских ботинок захлюпали по прелому войлоку палой листвы. За спиной тяжело сопел Сэм, бережно сжимая в кармане найденную латунную гильзу; замыкал шествие Белый, держа свой помповик стволом вниз, но с пальцем на предохранителе.

— Ну и сарай, — процедил Дин, поднимаясь по полусгнившим ступеням парадного крыльца. Каждая доска отзывалась протяжным, трубным стоном, будто под ногами корчились старые кости. — В таком месте приличный призрак удавился бы во второй раз от одной только сырости.

Входная дверь висела на одной кованой петле, приглашая внутрь запахом тлена, мышиного помета и застоявшейся погребной стыни. В прихожей царил плотный полумрак. Свет сквозь заколоченные крест-накрест окна падал узкими косыми полосами, высвечивая миллионы танцующих пылинок. Вдоль стены темнела анфилада комнат, уставленная рассохшейся мебелью: венские стулья без сидений, вспученный дубовый буфет с разбитыми витражами и громадное, от пола до потолка, зеркало в потускневшей бронзовой раме. Стекло давно пошло мутными пятнами амальгамы, собирая в себя тени так густо, словно в глубине плескалась озерная тина.

Саша Белый внезапно замер на третьем шаге. Подошвы его начищенных туфель заскрипели по битому стеклу, и пальцы на цевье ружья побелели до желтизны. Взгляд бригадира остекленел, намертво прилипнув к мутной глубине зеркала.

Там, в темноте за треснувшим стеклом, отражались вовсе не деревянные стены особняка. Там колыхались очертания салона белой «девятки», залитого резким светом уличных фонарей, битые ветровые стекла, и три неподвижных силуэта на заднем сиденье — парни в кожаных куртках с неестественно запрокинутыми головами и темными потеками на висках. Один из них шевелил губами, беззвучно окликая Белого по имени. Бригадир прерывисто вздохнул, его веки дрогнули, а ствол помповика дрогнул и пополз в сторону пустого угла.

— Фил... Кос... — сорвался с его губ свистящий шепот. — Братья, вы чего там?..

Дин среагировал мгновенно, без заминки, наработанной годами охоты в мотелях с привидениями. Он шагнул наперерез, сгреб Белого за ворот кожаного пальто и резко, наотмашь тряхнул, выбивая из чужого наваждения. Другой рукой Дин достал из кармана потертую серебряную флягу и с глухим стуком прижал ее к груди Саши.

— Эй, очнись, командир, — жестко, с резким нажимом бросил Дин, заглядывая бригадиру прямо в расширенные зрачки. — Тебя дурят дешевым фокусом. Дохлые дружки сюда не заглядывают, если только сами не подписали путевку в чистилище. Глотни и не пялься в мест-

ный телевизор, а то мозги спекутся. Призраки прошлого любят стрелять в спину, особенно когда патроны казенные.

Белый моргнул. Серая пелена спала с его глаз, оставив лишь сухой, лихорадочный блеск. Он резко качнул головой, шумно втянул носом затхлый воздух, отвинтил крышку фляги и сделал жадный глоток чистого виски, обжигающего глотку до слез.

— Чертовщина... — выдохнул он, возвращая флягу Дину и коротким жестом проверяя затвор ружья. — Чистая чертовщина. Не по понятиям это — мертвых тревожить.

— Понятия тут кончились век назад, — отозвался Сэм из глубины следующего зала.

Его мощный охотничий фонарь выхватывал из темноты широкие половицы гостиной. В центре комнаты паркет был выдран до черновой подложки. На обнажившихся толстых сосновых плахах темнел широкий замкнутый контур. Сэм опустился на колено, посветил ближе и осторожно провел пальцем в перчатке по обугленному желобу. — Дин, иди сюда. Погляди на это.

Дин подошел, присев рядом на корточки. Черная полоса круга не имела характерного желтоватого налета серы, который обычно оставляли демонические призывы. След был сальным, тяжелым, пахнущим березовым дегтем, гарью от сосновых поленьев и застарелым жиром.

— Не сера, — констатировал Сэм, растирая крошку между пальцами. — Обычная печная сажа, смешанная с конопляным маслом и смолой. Но посмотри на руны по внешнему периметру. Это не классическая латынь и не енохианские знаки. Это старые крестьянские заложные знаки. Такие вырезали на косяках хлевов, когда скотину морил мор. Только здесь их перевернули. Кто-то пытался удержать нечто внутри дома... или, наоборот, запереть вход извне.

— Ага, самодеятельность с вилами и факелами, — хмыкнул Дин, поднимаясь. — Крестьяне взяли смолу, собрались толпой и решили, что если замазать грех погуще, то господь бог его не разглядит.

— Они не просто замазывали, — негромко произнес Сэм, поднимая луч света к потолку. Балки перекрытия были обуглены, словно пламя лизало их снизу. — Они принесли ее сюда силой.

Слова еще висели в сыром воздухе, когда под подошвами Дина раздался сухой, визгливый треск. Вековые доски пола, подточенные грибком и тайной влагой, подались с оглушительным скрежетом. Гнилое дерево не просто лопнуло — оно провалилось вниз целым пластом, увлекая за собой вековую пыль, щебень и троих мужчин. Дин успел лишь схватить брата за рукав куртки, прежде чем опора исчезла, и холодный сквозняк подвала принял их в свою глухую темноту.

* * *

Кроули стоял внизу уже добрых пять минут, аккуратно держа над головой раскрытый черный зонт-трость, чтобы хлопья осыпающейся известки не осквернили лацканы его кашемирового пальто. Рядом с ним, не шевелясь и не моргая, возвышался Кастиэль.

Падение Винчестеров и Белого демон встретил лишь легким движением брови и щелчком зажигалки.

— Браво, мальчики. Какое феерическое появление. Всегда поражался вашей врожденной способности находить помойные ямы кратчайшим путем, — пропел Кроули бархатным голосом, стряхивая пальцем крупицу штукатурки с безупречного шелкового платка в нагрудном кармане. — Если вы закончили пачкать свои очаровательные джинсы в этой столетней плесени, я готов представить экспертное заключение.

Дин кряхтя поднялся на ноги, отплевываясь от рыжей кирпичной пыли, и помог встать Сэму. Белый уже был на ногах: он перекатился при падении, инстинктивно прикрыв ружье телом, и теперь дико озирался по сторонам, щурясь в кромешной тьме подземелья.

Кастиэль медленно шагнул к дальней стене подвала, сложенной из грубого бутового камня. В подземелье пахло застоявшейся водой, ледником для солонины и тем тяжелым, слад-

коватым душком застарелого страха, который не выветривается веками. Ангел поднял руку и коснулся ладонью шершавого, покрытого соляным налетом кирпича.

Из-под пальцев Кастиэля брызнул холодный сапфировый свет. Благодать разлилась по швам кладки тонкой паутиной, заставив вековую плесень зашипеть и обуглиться. В этом призрачном сиянии воздух перед стеной дрогнул, соткавшись в зыбкий, полупрозрачный силуэт. На земляном полу на коленях стояла женщина в простом холщовом сарафане и темном платке, надвинутом до самых бровей. Ее руки были связаны за спиной грубой бечевой, пальцы судорожно перебирали невидимые четки из сушеных ягод, а губы беззвучно шевелились в отчаянной, безответной молитве.

— Она просила не о пощаде, — глухо произнес Кастиэль, не опуская руки. Его глубокий, лишенный колебаний голос отразился от низких сводов. — Она молила о забвении. Боль предательства была сильнее страха огня. Те, кого она врачевала травами от лихорадки, привели сюда священника с топором и цепями.

— Какая драма, я сейчас разрыдаюсь прямо в свой бокал, — сухо перебил Кроули. Он подошел к массивной дубовой балке, поддерживавшей центральный свод, и поднес огонек золотой зажигалки к ее основанию. — Пернатый видит поэзию, а я вижу бухгалтерию. Взгляните-ка сюда, знатоки фольклора.

На мореном дубе, скрытое под слоем сажи и высохшей извести, проступало четкое клеймо — круг, рассеченный пополам косой чертой, с тремя точками у основания. Это был не ведьмовской знак. Это была подпись младшего клерка адской канцелярии.

— Стандартный договор купли-продажи совести по оптовой цене, — с легким презрением проговорил Кроули, поправляя запонку на манжете. — Местные купчишки, отцы города, благочестивые прихожане... Они перерезали горло знахарке, когда она отказалась отдать им рецепт от мора или спрятать их грязные делишки. А когда поняли, что натворили, и дух ее начал являться им по ночам в спальнях — струсили. Они не пошли на исповедь. Они вызвали мелкого беса на перекрестке Дворянской и Садовой и заключили сделку.

— Сделку? — Сэм подошел ближе, светя фонарем на выжженное клеймо. — На что?

— На круговую поруку забвения, лосенок, — оскалился демон. — Бес запечатал ее имя, запер ее дух в этих стенах и стер всякую память о расправе из городских голов в обмен на их мелкие, вороватые душонки после смерти. Идеальный контракт. Никаких улик, чистые метрики, никакой памяти. Только вот бесы перекрестков не умеют уничтожать праведный гнев. Они могут лишь запереть его под замок, пока замок не сгниет.

— И где замок? — хрипло спросил Белый, выступая вперед. Его помповик теперь смотрел прямо в центр подвала, где под грудой битого кирпича виднелся прогнивший деревянный ларь.

Дин переглянулся с братом, подошел к ларю и носком сапога сбил остатки трухлявой крышки. Внутри, среди осыпавшейся золы и оплывших огарков толстых черных восковых свечей, лежал тяжелый предмет. Дин наклонился и вытащил на свет кованую железную шкатулку с сорванным висячим замком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.